

На правах рукописи

ГОРБУНОВА ИРИНА МИХАЙЛОВНА

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА АТАЯЛЬСКОГО ГЛАГОЛА
В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Москва 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении Высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» в Учебно-научном центре лингвистической типологии Института лингвистики.

Научный руководитель: доктор филологических наук
Сумбатова Нина Романовна

Официальные оппоненты: **Татевосов Сергей Георгиевич**
доктор филологических наук, профессор
кафедры теоретической и прикладной
лингвистики филологического факультета МГУ
имени М.В.Ломоносова

Стойнова Наталья Марковна
кандидат филологических наук, научный
сотрудник отдела корпусной лингвистики и
лингвистической поэтики Института русского
языка им.В.В.Виноградова РАН

Ведущая организация: Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Защита состоится 30 мая 2017 г. в 12:00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.006.03 при Институте языкознания РАН по адресу: Москва 125009, Б. Кисловский пер. д.1, с.1, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН по адресу: Москва 125009, Б. Кисловский пер. д.1., с.1

Автореферат разослан _____ 2017 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А. В. Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация представляет собой типологически ориентированное сопоставительное исследование глагольной грамматической семантики в трех идиомах атаяльского языка (австронезийская семья, о. Тайвань). *Предметом* настоящей диссертации являются атаяльские глагольные формы и конструкции, значения которых относятся к семантическим зонам времени, аспекта, модальности, эвиденциальности и полярности. Наблюдаемые явления атаяльского языка в ходе исследования сопоставляются с типологическим представлением соответствующей предметной области.

Актуальность темы исследования. В известных нам работах по атаяльскому языку в качестве материала преимущественно используются два диалекта: хорошо сохранившийся и не находящийся под угрозой исчезновения диалект майринах, с одной стороны, и искусственно сохраняемый диалект гоган – с другой. Немногие сопоставительные работы, использующие данные нескольких менее изученных вариантов, затрагивают в основном вопросы лексики и фонологии. Между тем многие варианты атаяльского языка, распространенные в горных районах северо-восточной части острова Тайвань, мало исследованы и находятся под угрозой исчезновения. Таким образом, сопоставительное описание грамматической системы различных вариантов атаяльского языка является актуальной задачей.

Целью нашей работы является типологически ориентированное описание глагольной грамматической семантики в атаяльском языке. Исследование затрагивает такие предметные области, как пространственный дейксис, перфект и смежные категории, модальность, отрицание, авертив и контрфактивность.

Мы предлагаем описание глагольных грамматических категорий атаяльского языка с точки зрения формальных свойств отдельных грамем, а также типологически ориентированный анализ каждой исследованной формы. Каждая из исследованных в работе семантических зон (время, аспект, модальность, полярность, эвиденциальность) оценивается с точки зрения того, насколько наблюдаемые факты атаяльского языка укладываются в типологические представления о соответствующей области. В тех случаях, когда наблюдаемые явления не укладываются в рамки имеющихся теоретических моделей, мы предлагаем поправки к существующим теориям на основании атаяльского материала.

При соотнесении каждого явления атаяльского языка с типологией соответствующей области мы опираемся на наиболее актуальные типологические концепции. Так, рассматривая формы и конструкции, выражающие значения из семантической зоны перфекта, мы используем концепцию Э. Даля [Dahl 1985], опираясь при этом на

последние типологические данные, полученные в рамках этой концепции. Описывая систему средств выражения значений возможности и необходимости в зоне модальности, мы учитываем типологическую классификацию модальных систем [Rullman et al. 2008], разработанную в последнее десятилетие на основе концепции А. Кратцер [Kratzer 1981, 1991].

Материал исследования.

Материалом исследования послужили элицированные примеры и предложения из корпусов устной речи на трех вариантах атаяльского языка: пьянанском (диалектная группа скулик, диалект мнибу), сянухском (диалектная группа скулик, диалект гоган) и скикунском (диалектная группа цоле, диалект скикун). Материал был собран автором в ходе нескольких экспедиций в горный район Датун (кит. 大同, dàtóng) префектуры Илань (кит. 宜蘭, yílán) в северо-восточной части острова Тайвань.

В калане¹ Пьянан (ат. Puanan, кит. 南山 nánshān) был собран корпус устных текстов, содержащий неподготовленные нарративы (легенды и истории из жизни) и инструкции (рецепты и указания), а также небольшое количество подготовленных устных текстов (под подготовленным устным текстом имеется в виду текст, порожденный после предварительного планирования при помощи заранее составленного конспекта-наброска). Корпус устных текстов (подготовленных и неподготовленных) составляет около 50 минут звучащей речи. Данный корпус был полностью расшифрован с помощью носителей языка, аннотирован и глоссирован. Кроме того, был произведен сбор параллельных устных текстов на трех исследованных идиомах общим объемом около 20 минут звучащей речи. В качестве стимулов для порождения текстов использовались рисунки Х. Бидструпа и один из устных текстов, собранных в калане Пьянан («Легенда о священной птице»).

Сбор параллельного корпуса позволил сравнить интересующие нас грамматические явления трех исследуемых вариантов атаяльского языка на максимально схожем материале, а также выявить степень взаимопонимаемости между этими вариантами. Выяснилось, что понимание устной речи пьянанского варианта значительно затруднено для носителей из калана Скикун (ат. Skikun, кит. 四季 sìjì) и калана Сянух (ат. Syanuh, кит. 松羅 sōngluō).

Помимо двух корпусов устных текстов, для получения необходимых языковых данных широко использовался метод эликации, в том числе с использованием уже существующих типологических анкет (см., например, [Dahl 1985], [Olsson 2013]). В ряде

¹ Калан (ат. *qalang*) – традиционная форма атаяльского поселения, небольшая группа, чаще всего связанная отношениями родства и свойства, объединенная общей охотничьей территорией и управляемая вождем и советом старейшин.

случаев информантам предлагалось оценить грамматичность предложенных им примеров и/или допустимость той или иной их интерпретации. В частности, были проверены релевантные примеры из работ по атайльскому языку ([Rau 1992], [Huang, Davis 1989; Huang 1993, 2015] и др.).

Большинство информантов относились к возрастной категории 40–60 лет. С носителями старше 70 лет мы работали только при сборе неподготовленных устных текстов. В качестве языка-посредника при работе со всеми информантами мы использовали тайваньский стандартный китайский язык. С представителями старшего поколения мы работали через посредника, владеющего как китайским, так и атайльским.

Положения, выносимые на защиту:

1. Видо-временная система атайльского языка строится вокруг формы фактатива (нейтрального аспекта), которая без дополнительных видо-временных маркеров обозначает ситуацию без определенных темпорально-аспектуальных характеристик. Для актуализации или квантификации ситуации используются различные специальные показатели – от морфологических (префикс, инфикс) до синтаксических (вспомогательные глаголы, фразовые частицы).

2. В системе наклонений наблюдается специализированное выражение только иллюкутивной модальности – императива и гортатива.

3. В перфектной семантической зоне наблюдается активный процесс размежевания форм комплетива-перфекта и сверхпрошлого. Процесс этот в разных вариантах атайльского языка идет разными путями. Некоторые из этих путей типичны для эволюции семантической зоны перфекта (эволюция перфекта в перфектив, вытеснение старого перфекта результатом), другие типологически нестандартны (возникновение особой третьей формы для контекстов, в которых исходно допустимы обе конкурирующие формы).

4. Форма со вспомогательными глаголами *niux/tiux* в атайльском языке имеет более широкую семантику, чем принято считать; эта форма может обозначать как срединную фазу ситуации (актуально-длительное употребление), так и результирующее состояние (результативное употребление). В ряде контекстов данная форма допускает даже хабитуальные прочтения. Тем самым, значение данной формы оказывается шире любого из известных на сегодня типологически стабильных грамматических кластеров (ср. [Плунгян 2011: 402-404]). Мы называем эту форму *стативом*, поскольку любая ситуация, выраженная данной формой, рассматривается как актуальное (временное) свойство одного из участников ситуации.

5. Ограничения на дистрибуцию статива объясняются пространственными свойствами обозначаемой ситуации. Допустимость или недопустимость данной формы в том или ином контексте во многом определяется нетривиальными дейктическими свойствами локативных копул, которые грамматикализовались в показатели статива.

6. В атаяльском языке нет регулярных средств выражения эпистемической необходимости. Эпистемическая возможность в каждом из рассмотренных вариантов атаяльского языка выражаются вполне регулярно, но отсутствуют средства выражения разной степени гипотетичности этой возможности, то есть значимой оказывается не субъективная, а объективная оценка возможности ситуации. Эта дефектность модальной парадигмы компенсируется наличием модального отрицания, которое является маркером логической (алетической) невозможности.

7. В условных конструкциях атаяльского языка реальный статус условия никак не маркируется, а контрфактические условные конструкции отличаются от гипотетических только структурой аподозиса: если в гипотетических конструкциях используется модальная конструкция намеренного будущего, то в контрфактических – специальная контрфактивная конструкция.

8. Система фазовой полярности атаяльского языка доказывает, что распространенные на данный момент гипотезы [Löbner 1989, 1999; van der Auwera 1993, 1998] недостаточны для построения типологии фазовой полярности, поскольку не могут выявить существенную разницу между системой фазовой полярности в атаяльском и соответствующими системами в других языках. Для описания систем фазовой полярности мы предлагаем свой набор признаков, который включает (1) сферу действия элемента фазовой полярности относительно отрицания; (2) направление смены полярности; (3) реальный статус смены полярности; (4) абсолютное время смены полярности; (5) относительное время смены полярности.

Научная новизна работы заключается в том, что, во-первых, все три представленных в работе идиома фактически исследованы впервые; во-вторых, для атаяльского языка впервые с такой степенью подробности исследованы явления глагольной грамматической семантики; в-третьих, получен ряд результатов, которые могут послужить для корректировки типологических представлений о ряде предметных областей (модальность, пространственный дейксис и др.).

Метод исследования, принятый в нашей работе, до сих пор не применялся к атаяльскому материалу. С одной стороны, мы используем типологические семантические анкеты, собирая для каждого релевантного контекста все конструкции, допустимые в этом контексте, – то есть двигаемся от значения к форме. С другой стороны, для каждой

зафиксированной формы и конструкции мы собираем максимальное количество контекстов, в которых эта форма допустима, то есть идем от формы к значению. В результате мы создаем подробное описание каждой формы и каждой семантической зоны, – такое, что его можно использовать как материал по атайльскому языку при широком типологическом исследовании. В процессе составления такого описания обнаруживаются языковые факты, позволяющие корректировать, а иногда и ставить под сомнения актуальные на сегодня представления о том или ином явлении в языках мира.

Среди результатов исследования, имеющих *практическую ценность*, следует указать два аннотированных корпуса устных текстов на атайльском языке общей длительностью около 70 минут. С одной стороны, данный материал вносит вклад в документацию исчезающих идиомов, распространенных в горных районах о. Тайвань. С другой стороны, аннотированные и переведенные на русский язык атайльские устные тексты могут быть использованы в дальнейших исследованиях атайльского морфосинтаксиса.

Основным *теоретически значимым результатом* исследования является подробное, типологически ориентированное описание глагольных семантических категорий в трех диалектах атайльского языка. Для ряда категорий (модальность, фазовая полярность, отрицание) факты атайльского языка не укладываются в наши представления о пространстве типологических возможностей в данной предметной области. Во всех подобных случаях мы предлагаем собственный анализ наблюдаемых феноменов, а также отмечаем, какие коррективы должны быть внесены в существующие теоретические представления.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложений.

Первая глава представляет собой очерк атайльского морфосинтаксиса, основанный как на работах тайваньских и европейских лингвистов [Egerod 1965b; Rau 1992; Huang, Davis 1989; Huang 1992, 1993; Liu 2005;], так и на собственных данных, изложенных нами в [Горбунова 2014, 2016а,б]. Вторая глава посвящена типологически нетривиальным явлениям аспектуальной зоны в атайльском языке: системе средств выражения значений из семантической зоны перфекта, а также дейктическим характеристикам прогрессива ([Горбунова 2016а, б]). В третьей главе освещается ряд явлений, имеющих отношение к грамматико-семантической зоне модальности и полярности: отсутствие регулярных средств выражения эпистемической необходимости и выражение эпистемической семантики в системе отрицания; способы маркирования условных конструкций при помощи модальности в аподозисе; а также категория фазовой полярности. В заключении обобщаются основные результаты исследования и формулируются вытекающие из наших

результатов вопросы, требующие типологического исследования на значительной выборке языков. В приложениях представлен иллюстративный материал по социолингвистической стороне исследования (список информантов с указанием возраста и языка домашнего общения), примеры экспериментальных заданий, примеры полученных текстов, а также некоторые сводные таблицы и списки (списки текстов по корпусам; списки условных обозначений и иллюстраций; таблицы, представляющие консонантную и вокалическую системы атаяльского языка; таблица с указанием наиболее частотных расхождений между традиционной атаяльской орфографией и принятой в диссертации системой записи; сравнительная таблица существующих описаний глагольной грамматической семантики атаяльского языка).

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были отражены в семи публикациях, из них шесть в журналах, рекомендованных ВАК.

По основным положениям настоящей диссертации были сделаны доклады на ряде международных конференций: на VIII, IX, X, XI, XII Конференциях по типологии и грамматике для молодых исследователей (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, ноябрь 2011, 2012, 2013, 2014, 2015); на конференции по времени, аспекту, модальности и эвиденциальности Chronos (Scuola Normale Superiore, Пиза, Италия, июнь 2014); на конференции по австронезистике 13-ICAL (Academia Sinica, Тайбэй, Тайвань, 2015); на конференции по австронезийским и папуасским языкам APLL8 (SOAS, Лондон, Великобритания, 2016); а также на международных круглых столах по перфекту The Perfect: variation (Тронхеймский университет, Тронхейм, Норвегия, 2015) и грамматикализации Gram2 (Руанский университет, Руан, Франция, 2014).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении содержится общая характеристика работы, а также основные сведения об атаяльском языке и исследованных идиомах: положение атаяльского языка в генетической классификации, языковая ситуация в районе распространения исследованных вариантов языка, обзор литературы, посвященной грамматическому строю атаяльского языка. Здесь же дается необходимая информация об атаяльской фонологической системе.

В первой главе предлагается очерк атаяльского морфосинтаксиса, основанный преимущественно на полевых данных. В очерке рассматриваются именные и глагольные категории, порядок слов, полипредикативные конструкции и фразовые частицы. Основное внимание уделяется семантическим категориям глагола, поскольку именно эта часть атаяльского морфосинтаксиса является предметом настоящего исследования. Именные категории, синтаксические категории глагола, а также общие проблемы синтаксиса представлены в очерке с той степенью подробности, которая необходима для понимания работы.

Данные, представленные в первой главе, позволяют сделать вывод о том, что атаяльский язык относится к филиппинскому грамматическому типу – то есть характеризуется сложной залоговой («фокусной») системой, – имеет бедную падежную систему, отличается низким уровнем агглютинации и высокой степенью аналитизма. Если придерживаться наиболее распространенной точки зрения (см. [Himmelman 2002], [Wouk, Ross 2002]), в атаяльском языке реализуется аккузативная стратегия кодирования актантов, а базовым порядком слов является VOS. Именная группа в основном ветвится вправо. Однако в двух из трех исследованных идиомов наблюдаются тенденции к копированию порядка слов стандартного китайского языка: в сянухском варианте порядок SVO стал возможен без топиализации субъекта, а в пьянанском варианте получила распространение структура именной группы, где относительная клауза предшествует имени, получая при этом особое маркирование.

В отношении семантических категорий глагола можно отметить несколько особенностей. В атаяльском языке нет грамматической категории времени в привычном смысле слова: положение описываемой ситуации на оси времени относительно момента речи не имеет обязательных регулярных средств выражения. Единственная форма, охарактеризованная с точки зрения времени, – форма сверхпрошлого. Эта форма, образуемая одним из алломорфов <in>/<n>/in-/n-, в зависимости от акционального класса предиката может иметь одно из следующих значений: (1) прекращенный процесс или состояние, целиком относящееся к плану прошлого; (2) событие, результат которого неактуален в настоящем; (3) экспериенциальное (общефактическое) значение и (4)

таксисное значение предшествования. Согласно [Plungian, van der Auwera 2006], в языках, где наблюдается форма сверхпрошлого, эта форма является единственной темпорально охарактеризованной. Тем самым временная система атаяльского языка соответствует типологическим ожиданиям.

Аспектуальная система атаяльского языка строится вокруг формы фактатива (нейтрального аспекта). Термин «фактатив» введен У.Уэлмерсом [Welmers 1973] (подробнее см. [Шлуинский 2012]). Форма фактатива в атаяльском языке в зависимости от акционального класса предиката и широкого контекста может обозначать актуальный процесс или состояние, единичное мгновенное событие в прошлом или будущем, а также повторяющуюся ситуацию (т.е. может иметь хабитуальное прочтение). Для соотнесения описываемой ситуации с точкой отсчета и окном наблюдения² может использоваться ряд специализированных форм и конструкций (таких как перфект, статив, проспектив, намеренное будущее и пр.), а также эксплицитное указание на время ситуации. Похожая организация аспектуальной системы наблюдается в других языках с нетипичным фактативом, например, в языке дан-гуэта (ср. [Выдрин 2010]).

В системе наклонений выражается преимущественно иллюкутивная модальность: различаются индикатив, императив и гортатив. Модальные значения возможности и необходимости выражаются аналитически (при помощи вспомогательных глаголов и неглагольных превербальных показателей). В системе эвиденциальных значений наблюдается регулярное выражение только репортатива (передачи информации с чужих слов, см. [Aikhenvald 2006]) при помощи фразовой частицы. Прочие эвиденциальные значения выражаются лексически и нерегулярно.

Система отрицания насчитывает от двух до трех (в зависимости от идиома) конструкций стандартного отрицания (в терминах [Miestamo 2005]). Кроме того, в атаяльском языке наблюдается шесть различных конструкций прохибитива (отрицательного императива), среди которых есть все типы, предусмотренные классификацией [van der Auwera, Lejeune 2005], а также особое экзистенциальное отрицание, используемое также в конструкциях принадлежности, но не в конструкциях локализации, что в целом соответствует наблюдениям в [Veselinova 2015].

Во второй главе дается детальный анализ двух типологически необычных явлений в семантической зоне аспекта: кумулятивному выражению аспекта и дейксиса в конструкции статива (прогрессивно-результативной конструкции), с одной стороны, и сложной организации средств выражения значений из зоны перфекта, с другой..

² Термин «окно наблюдения» определяется в [Плунгян 2011:355] как «момент или период времени, который находится в фокусе внимания говорящего»; в терминологии [Klein 1994], это *topic time*.

В первом разделе второй главы рассматривается конструкция статива и проблемы пространственного дейксиса в атаяльском языке. Взаимосвязь статива и дейксиса обусловлена тем, что источником грамматикализации маркеров статива послужили действительно противопоставленные предикаты – локативные копулы *niux* ‘быть здесь’ и *tiux* ‘быть там’.

Система локативных копул в атаяльском языке, помимо указанных двух предикатов, включает также нейтральную копулу (*m*)*aki* ‘существовать, быть’. Нейтральная копула используется в контекстах, когда объект не может быть соотнесен в пространстве с личной зоной говорящего. Это, например, генерические контексты, когда речь идет не об одном объекте в одной конкретной ситуации, а о множестве объектов во множестве ситуаций, ср. (1).

- (1) *m-aki miyaw kneri=nha*
 AF-быть дом женщина=3SG.OBL
 ‘Их жены были дома’.

Когда объект может быть соотнесен в пространстве с личной зоной говорящего, в общем случае употребляется один из действительно окрашенных предикатов, ср. (2-3).

- (2) *niux miyaw laqi=mi*
 быть.PROX дом ребенок=1SG.OBL
 ‘Мой ребенок дома (я тоже)’.
- (3) *tiux tanix laqi=mi*
 быть.DIST снаружи ребенок=1SG.OBL
 ‘Мой ребенок на улице (а я дома)’.

Однако существуют контексты, когда положение объекта определенным образом соотнесено в пространстве с личной зоной говорящего, но тем не менее в конструкции локализации действительно окрашенные копулы запрещены и используется предикат (*m*)*aki*.

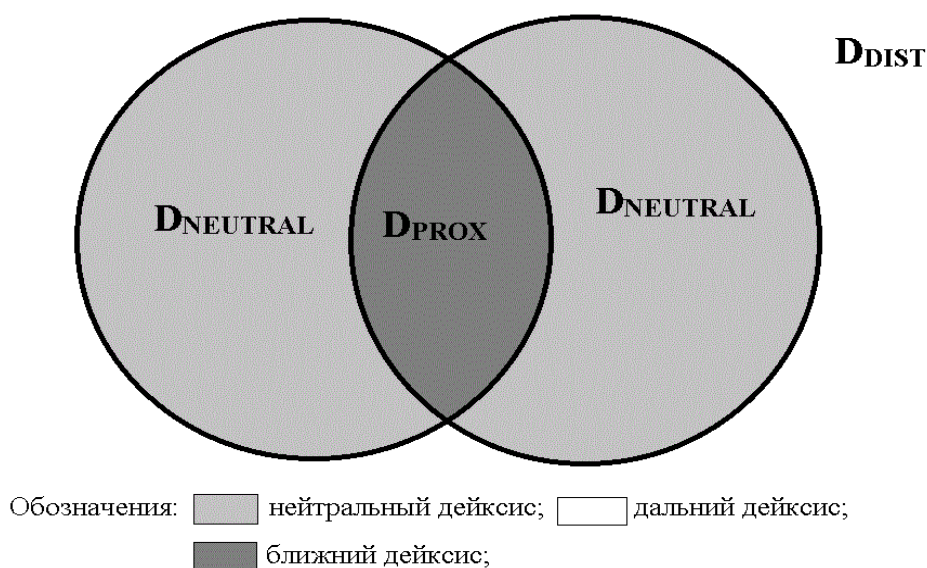
- (4) *m-aki(*niux/*tiux)=ku beh pyanan ga*
 AF-быть=1SG.ABS около П. TOP
*ijət squleq m-aki(*niux/*tiux) ηasan*
 NEG.EX человек AF-быть дом
 ‘Когда я был в Пьянанае, дома (где говорящий находится в момент речи) никого не было’.

Это происходит в тех случаях, когда релевантный объект находится в личной зоне говорящего в коммуникативной ситуации, но за пределами личной зоны первого лица в описываемой ситуации, или наоборот. Так, в примере (4) выше участник первого лица в описываемой ситуации находился за пределами той зоны, которая является личной зоной

говорящего в момент речи. Иначе говоря, локализуемый объект находится в личной зоне пространственной точки отсчета (участника первого лица в описываемой ситуации), но за пределами пространственной зоны речевого акта. Оказывается, что такая локализация не может быть дейктически охарактеризована в атаяльском языке и может быть выражена только дейктически нейтральным предикатом.

Таким образом, дейктическая система атаяльского языка устроена следующим образом: говорящий в момент речи (S) и участник первого лица в окне наблюдения (R) образуют два дейктических центра, каждый со своей личной зоной. Выражения проксимального (ближнего) дейксиса могут быть использованы только относительно объектов, локализованных на пересечении этих двух зон. Выражения экстремального (дального) дейксиса используются применительно к объектам, локализованным за пределами обеих зон. Локализация в остальной части пространства, относящейся только к одной из зон, возможна только при помощи дейктически нейтральных выражений. Эту часть пространства мы далее будем называть зоной конфликта.

Рис.1. Дейктическая система атаяльского языка

Формы статива, где в качестве вспомогательных глаголов используются дейктически противопоставленные предикаты *niih* и *tiih*, не только соотносят определенную часть ситуации с окном наблюдения, обозначая в зависимости от класса предиката актуальную длительную или результирующую фазу ситуации, но и локализуют ситуацию в пространстве относительно речевого акта и точки отсчета, привязанной к участнику первого лица в окне наблюдения. В контекстах, где точкой отсчета является говорящий в момент речи (то есть когда в описываемой ситуации нет участника первого лица, или он

находится там же, где и говорящий в момент речи) маркеры статива распределяются так же, как соответствующие локативные копулы, ср. (6).

(5) <i>niu</i>	<i>m-tyaw</i>	<i>kwara</i>	<i>squleq</i>	<i>hya=ga</i>
PRG.PROX	AF-работать	все	человек	он(а)=TOP
<i>niu=ku</i>	<i>m-ʔabi</i>	<i>kijan</i>		
PRG.PROX=1SG.ABS	AF-спать	я		

‘Когда все работали, я спал’.

Однако в случае, когда ситуация локализована в зоне конфликта (вблизи точки отсчета, но вне личной зоны говорящего, или наоборот), конструкция статива (по крайней мере в прогрессивном употреблении) оказывается запрещена, поскольку у нее нет дейктически нейтральной формы.

(6) <i>m-ugi=saku</i>	<i>lukus</i>	<i>tanux</i>	<i>ga</i>
AF-вешать=1SG.ABS	одежда	снаружи	TOP
<i>yukan ga tiux</i>	<i>m-aki</i>	<i>miyaw=nia</i>	
Юкан TOP	PRG.DIST	AF-быть	дом=3SG.OBL

‘Когда **я** снаружи **вешал** одежду, Юкан был у себя дома’. {Говорящий в момент речи находится не у Юкана, а у себя дома.}

Тем самым, в атаяльском языке наблюдается типологически нетривиальное кумулятивное выражение аспекта и пространственного дейксиса, причем дейктические свойства соответствующих аспектуальных форм влияют на их дистрибуцию.

Во втором разделе второй главы рассматриваются средства выражения значений из семантической зоны перфекта. При исследовании данной семантической зоны мы опираемся на типологическую анкету ТМАQ Э. Даля [Dahl 1985], рассматривая в первую очередь те формы, конструкции и показатели, которые регулярно встречаются в значительной части перфектных контекстов в ТМАQ.

В целом в атаяльском языке можно выделить четыре маркера, имеющих то или иное отношение к семантической зоне перфекта:

- вспомогательный глагол *wa* (с алломорфами *wan*, *wayal*, *wayan*), восходящий к глаголу *wayal* ‘уходить / уйти’), собственно перфект;
- инфикс *<in>* (с алломорфами *<n>/in-/n-*), маркер сверхпрошлого;
- вспомогательный глагол *nbaq* (застывшая форма сверхпрошлого от глагола *baq* ‘знать, уметь’), инновационный маркер узкого эксперимента;
- фразовая частица *la* (подробнее см. в третьей главе).

Конструкция со вспомогательным глаголом *wa* покрывает большинство перфектных контекстов по ТМАQ (перфект результата, имедиатное прошедшее (т.н. контексты ‘hot

news'), а также экспериентивные контексты и контексты предшествования). Так, в примере (7) конструкция с *wa* выражает значение перфекта результата (модифицированный контекст ТМАQ 64):

- (7) *wa=su m-eta qva la?*
 PRF=2SG(ABS) AF-мыть рука RPC
 (В.: 'Мама, можно я поем?') О.: 'А ты руки помыл?'

Конструкцию атаяльского перфекта отличает от типичного перфекта несколько особенностей. Во-первых, атаяльский перфект является нетипичным с формальной точки зрения: в языках мира глаголы движения с центробежной семантикой крайне редко грамматикализуются в показатели перфекта, но могут грамматикализироваться в показатели перфектива и комплетива (см., в частности, [Bybee, Dahl 1989; Bybee et al. 1994; Heine, Kuteva 2004; Майсак 2005]). Во-вторых, атаяльский перфект в сочетании с некоторыми предикатами, обозначающими состояния и неопределённые процессы, может иметь инхоативную семантику, а в сочетании с предикатами, обозначающими ситуацию с естественным пределом, имеет дополнительный семантический оттенок комплетива. Наконец, атаяльский перфект обнаруживает нетипичные для перфекта употребления в нарративе: здесь перфект маркирует события, зачастую необратимые, имеющие ключевое значение для повествования в целом. Такие употребления близки к тому, что в работе [Ханина, Шлуинский 2016] называется ключевым дискурсивным употреблением «зрелого» перфекта и наблюдается, например, в энецком языке. Однако, в отличие от энецкого перфекта, атаяльская конструкция не имеет адмиративной семантики, тогда как О.В. Ханина и А.Б. Шлуинский связывают развитие ключевых употреблений у перфекта с наличием у такой «зрелой» конструкции адмиративных употреблений.

В контексте перфекта результата, помимо вспомогательного глагола *wa*, регулярно употребляется фразовая частица *la* (см., например, предложение (7) выше). Эта частица также оказывается обязательной в контексте так называемого инклюзивного перфекта (когда ситуация рассматривается как длящаяся с некоторого момента в прошлом вплоть до точки отсчета, включая эту точку), причем именно наличие частицы *la* определяет инклюзивное прочтение в таких примерах, ср. (8-9):

- (8) *tiuwal riax p'in lukus=mi lukus=mi qani la*
 три день <DP.PF>надевать =1SG.OBL одежда=1SG.OBL DEM.PROX RPC
 'Я ношу эту одежду уже три дня'.
 (9) *tiuwal riax p'in lukus=mi lukus=mi qani*
 три день <DP.PF>надевать =1SG.OBL одежда=1SG.OBL DEM.PROX
 'Я проносил эту одежду три дня'.

В сочетании со стативными предикатами частица *la* выражает значение, свойственное в таких контекстах ямитиву (см. [Olsson 2013]), а именно характеризует актуальное состояние как результат предыдущего изменения (значение, передаваемое в русском языке наречиями ‘уже’, ‘теперь’):

- (10) *betunux balay Sayun la*
 [AF]быть. красивым очень С. RPC
 ‘Теперь Саюн очень красивая’.

Наличие в атаяльском языке отдельных маркеров перфекта и ямитива, на наш взгляд, не согласуется с гипотезой Э. Даля [Dahl 2015] о том, что перфект и ямитив являются разными типами конкретно-языковых манифестаций общего межъязыкового категориального типа PERFECT.

Наконец, форма сверхпрошлого, в целом противопоставленная перфекту с точки зрения семантического компонента актуальности/неактуальности результата, в некоторых контекстах конкурирует с перфектом. Среди таких контекстов особенно выделяется экспериенциальный контекст, где в пьянанском варианте оказываются приемлемыми три конструкции: перфект (11), сверхпрошлое (12) и особая форма экспериентива со вспомогательным глаголом *nbaq* (13). Все три конструкции, однако, имеют разные импликации, что иллюстрируется приемлемостью или неприемлемостью определенных типов правых контекстов для каждой из рассматриваемых конструкций. Так, сверхпрошлое допускает любой правый контекст, перфект исключает отрицательный правый контекст, а форма экспериентива имеет импликацию приобретения определенного навыка.

- (11) *wayal=saku m-aneq uyi la*
 PRF=1SG.ABS AF-есть тоже RPC
 ‘Я ел это (?...и я теперь умею это есть / ... и я уже сыт, больше не хочу / #... и мне не понравилось)’.

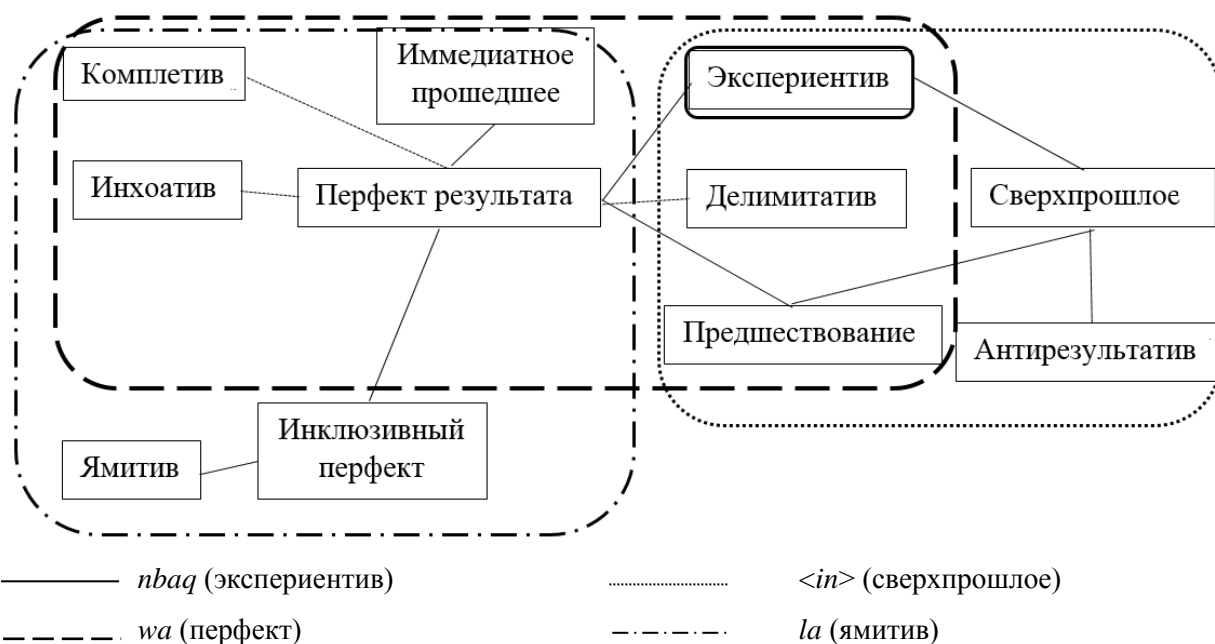
- (12) *min-n-aneq=saku uyi (la)*
 AF.DP-DP-есть=1SG.ABS тоже RPC
 ‘Я ел это (?...и я теперь умею это есть / ... и я уже сыт, больше не хочу / ... и мне не понравилось)’.

- (13) *?nbaq=saku m-aneq uyi la*
 EXP=1SG.ABS AF-есть тоже RPC
 ‘Я ел это (?...и я теперь умею это есть / #... и я уже сыт, больше не хочу / #... и мне не понравилось)’.

Таким образом, форма сверхпрошлого выражает широкое, экзистенциальное значение (в терминах [Вострикова 2010: 8-9]), конструкция с *nbaq* имеет узкое экспериенциальное значение, в то время как допустимость перфекта в похожих контекстах, видимо, обусловлена экспериенциальной импликатурой собственной семантики перфекта результата.

В исследованных нами вариантах атаяльского языка наблюдаются разные тенденции в развитии конструкций, связанных с семантической зоной перфекта. Так, в сянухском и скикунском вариантах форма статива в результативном значении начинает вытеснять форму перфекта (что в целом соответствует сценарию, отмеченному в [Плунгян 2011: 291]), а в пьянанском варианте для контекстов, которые допускают как перфект, так и экспериентив, возникла новая специализированная конструкция (что представляется неожиданным). На рис. 2 представлена семантическая зона перфекта и смежных категорий в пьянанском варианте атаяльского языка.

Рис.2. Семантическая зона перфекта и смежных категорий в пьянанском варианте

В третьей главе диссертации рассматривается несколько явлений, имеющих отношение к модальности и полярности. В первом разделе уточняется система средств выражения модальных значений возможности и необходимости с учетом отрицательных контекстов и выдвигается гипотеза об отсутствии в атаяльском языке регулярных средств выражения эпистемической модальности. Второй раздел посвящен обзору условных конструкций и в частности – средствам маркирования степени гипотетичности суппозиции в аподозисе. В третьем разделе описывается категория фазовой полярности (фазовости).

В докладе [Chen 2015], посвященном атаяльской системе средств выражения возможности и необходимости, было указано, что в атаяльском языке, судя по всему, отсутствуют регулярные маркеры эпистемической необходимости, что создает серьезные проблемы для типологии модальных систем, разработанной на основе подхода А. Кратцер ([Kratzer 1981, 1991]; см. также [Rullman et al. 2008, van der Klok 2013]). **В первом разделе третьей главы** диссертации мы показываем, что в исследованных нами идиомах нет регулярных средств выражения эпистемической необходимости, но существует грамматический маркер логической невозможности.

С одной стороны, если говорящий считает, что содержание высказывания не может быть ложным, такое высказывание не получает особого регулярного маркирования в исследованных нами идиомах. Рассмотрим пример (14). В качестве эксперимента информанту предлагалось высказывать гипотезы относительно того, где прячется кошка в описываемой комнате. Контекст задан так, что говорящий не видит кошку, а в комнате есть всего три места, где кошка могла бы спрятаться: под кроватью, под столом и в коробке. Информант поочередно высказывал гипотезы, каждая из которых оказывалась неверной. Последняя гипотеза, тем самым, представляла собой единственную логическую возможность: именно эта последняя гипотеза высказана в примере (14). Для того, чтобы подчеркнуть истинность пропозиции, говорящий может использовать лексические средства, такие как *balay* ‘очень, действительно’, а может не использовать ничего.

- (14) *tiux* (*balay*) *ska* *kuluʔ* *la*
 быть.DIST очень внутри коробка RPC
 ‘(Кошка) (на самом деле) в коробке’.

С другой стороны, если пропозиция оценивается как возможная, высказывание содержит маркер *kia* (в сянхском и пьянанском идиомах) или *aki* (в скикунском идиоме). При этом степень уверенности говорящего в истинности пропозиции оказывается нерелевантна. Так, в примерах (15-16) ниже высказываются две последовательные гипотезы относительно местонахождения человека по имени Юкан. Ситуация задана следующим образом. Говорящий знает, что раньше днем Юкан искал кого-то в соседнем Скикуне, но сейчас уже поздно, а Юкан никогда не бодрствует допоздна, к тому же у атаяльцев не принято находиться вне дома в темное время суток. Исходя из этого, говорящий выдвигает две гипотезы – одну сильную (о том, что Юкан уже спит, (15)) и одну слабую (о том, что Юкан все еще ищет того человека, (16)). Тем не менее предложения (15) и (16) не отличаются с точки зрения маркирования гипотетичности ситуации: и тот, и другой пример содержат маркер *kia*:

(15) *mɥan balay la kia tiu m-ʔabi yukan la*
 поздно очень RPC EP.POS PRG.DIST AF-спать Ю. RPC
 ‘Уже поздно, Юкан, наверное, уже спит’.

(16) *yat=ga kia tiu m-hkaŋi squleq skikun na*
 NEG=TOP EP.POS PRG.DIST AF-искать человек С. IPC
 ‘Если нет, то, наверное, (он) еще ищет кого-то в Скикуне’.

Атаяльский язык имеет особое средство выражения логической невозможности ситуации. Рассмотрим примеры (17-18). В первом случае говорящий утверждает, что человек, о котором идет речь, не пошел в Скикун, без дополнительной модальной оценки. Во втором случае говорящий отрицает логическую возможность того, что указанный человек туда пошел. Это различие отражается в использовании разных конструкций общего отрицания – асимметричной конструкции с *ini* (для простого отрицания) и симметричной конструкции с *ya* (для указания на логическую невозможность пропозиции).

(17) *ini usa skikun qu=yukan*
 NEG.L [AF.CNG]идти С. DEF=Ю
 ‘Юкан не пошел в Скикун’.

(18) *yat m-usa skikun qu=yukan*
 NEG.H AF-идти С. DEF=Ю
wayal mekuraʔ.banax=na tuqi
 [AF]уйти противоположная=ATR дорога
 ‘Не может быть, что Юкан пошел в Скикун, он ушел в противоположную сторону’.

Тем самым, оценка истинности пропозиции в атаяльском языке фактически имеет три значения: ситуация является единственно возможной (не маркируется регулярными средствами, пример (14)), ситуация логически возможна, но не обязательно является единственно возможной, примеры (15-16), ситуация логически невозможна (особый маркер отрицания *ya*, пример (17)). Данные атаяльского языка тем самым указывают на то, что при исследовании системы модальных значений возможности и необходимости следует учитывать отрицательные контексты – такие, как невозможность и ненужность. Невозможность может иметь в языке специализированное средство выражения и заслуживает того, чтобы войти в систему модальности как отдельное, самостоятельное значение. Более того, атаяльская система модальности плохо укладывается в концепцию А. Кратцер об эпистемической модальности, поскольку для формализации выражаемых значений (логическая возможность и невозможность) не нужно упорядочивание доступных возможных миров. В концепции А. Кратцер

предусмотрено пустое упорядочивание, однако нам кажется, что системы, где маркируется логическая возможность и нет регулярных средств для выражения бóльшей или мéньшей степени гипотетичности, следует считать алетическими (то есть выражающими не субъективную, а объективную оценку вероятности пропозиции) и отличать от эпистемических. Тем самым мы считаем, что в атаяльском языке отсутствуют средства выражения эпистемической модальности, но обнаруживается система алетической модальности.

Второй раздел третьей главы посвящен обзору и анализу условных конструкций атаяльского языка. Особое внимание уделяется тому, что в атаяльском языке разная степень гипотетичности суппозиции (той ситуации, которую говорящий предлагает считать истинной, то есть протазиса) маркируется при помощи разных модальных конструкций в аподозисе. В первую очередь противопоставлены реализуемые и нереализованные возможности. В условных конструкциях, где суппозиция потенциально реализуема, в аподозисе используется модальная конструкция с маркерами *musa* (в сянухском и пьянанском идиомах) и *isa* (в скикунском идиоме).

- (19) *ini tireq yapit yaba l=ga*
 NEG.L [AF.CNG]бить летяга отец RPC=TOP
musa uqat niq-un=ta la
 COND.R NEG.EXIS есть-PF=1PL.INC(OBL)RPC
 ‘Если отец не подстрелит белку-летягу, у нас не будет еды’.

Те же модальные маркеры вне условных конструкций маркируют намеренное будущее:

- (20) *musa=ku m-yuy qhoneqqasa*
 AUX.MOD=1SG.ABS AF-двигать дерево DEM.DIST
 ‘Я собираюсь подвинуть (сейчас подвину) то дерево’.

В контрфактивных условных конструкциях (т.е. в конструкциях, где ситуации, выраженные в протазисе и аподозисе, заведомо не реализованы) аподозис маркируется при помощи *aki* (в утвердительных контекстах) и *kana* (в отрицательных контекстах).

- (21) *ini p-behuy shera ga*
 NEG.L AF.PROS-ветер вчера TOP
aki=ku m-usa rgiax la
 CNF=1SG.ABS AF-идти горы RPC
 ‘Если бы вчера не собирался тайфун, я бы пошел в горы’.

- (22) *baq-un=mu m-behuy hera ga*
 знать-PL=1SG.OBL AF-ветер вчера TOP

kana=ku

usa

CNF.NEG=1SG.ABS [AF.CNG]идти

‘Если бы я знал, что вчера будет тайфун, я бы не пошел’.

Вне условных конструкций маркер *aki* используется чаще всего в авертивных контекстах, то есть для выражения ситуации, которая назревала, но не осуществилась, см. [Kuteva 1998, 2000]:

(23) *aki m-hoqil qu squleq qasa*
AVER AF-умереть DEF человек DEM.DIST

‘Тот человек чуть было не умер / *может быть, умер / *может умереть / *мог умереть (а мог и не умереть)’.

Однако, в отличие от собственно авертива, конструкция с *aki* выражает только контрфактивность, но не «назревание», и не ограничена контекстами прошедшего времени. В частности, в примере (24) суждение о том, что дождь должен был пойти, высказывается на основании информации, известной с чужих слов, то есть ситуация ‘дождь идет’ сама по себе не назревала. В примере (25) конструкция с *aki* сочетается с референцией к будущему времени и обозначает лишь то, что ситуация «дождь пойдет завтра» не осуществилась, поскольку дождь пошел раньше.

(24) *s-pŋ-an=mi=ga aki qwalax sasan*
IF-слушать-LF=1SG.OBL=TOP CNF [AF]дождь утро

‘Я слышал, что дождь должен был пойти утром (почему же он до сих пор не пошел?)’

(25) *balay=ga aki suxan m-qwalax*
очень=TOP CNF завтра AF-дождь
swa niu m-qwalax soni l=pi
почему PRG.PROX AF-дождь сейчас RPC=EMPH.Q

‘Дождь должен был пойти завтра, почему же он идет сейчас?’

Таким образом, в атаяльском языке наблюдается специализированный маркер контрфактива, который используется в том числе в аподозисе контрфактивных условных конструкций. В рамках условной конструкции контрфактив маркируется только в аподозисе. Мы предполагаем, что языки, в которых есть специализированные показатели контрфактива в простом предложении, должны иметь также специализированные условные контрфактивные конструкции, в которых будет использоваться тот же показатель, и маркировать он будет не протазис, а аподозис.

В третьем разделе третьей главы подробно рассматривается категория фазовой полярности в атаяльском языке. Для описания категории фазовой полярности в

атаяльском языке мы предлагаем собственный набор параметров, по которым следует оценивать каждый элемент фазовой полярности в отдельности:

- 1) сочетаемость данного элемента с отрицанием и соотношение его сферы действия со сферой действия отрицания;
- 2) направление смены полярности, обозначаемой данным элементом;
- 3) тип смены полярности (реализованная или нереализованная);
- 4) допустимая абсолютная временная референция смены полярности, обозначаемой данным элементом.

Для элементов, обозначающих реализованную смену полярности, предлагается также дополнительный параметр: 5) соотношение во времени ожидаемой смены полярности и реализованной смены полярности.

Предлагаемый набор параметров учитывает такие особенности систем фазовой полярности, как отношения внутреннего и внешнего отрицания между элементами системы ([Löbner 1987, 1989; van Baar 1997]), с одной стороны, и разные сценарии реализации разных элементов фазовой полярности ([van der Auwera 1993, 1998]) – с другой. Более того, наш набор признаков позволяет различать, например, русский элемент фазовой полярности ‘уже’, испанский аналог *ya* и атаяльский аналог *la*. Все три элемента обозначают реализованную смену полярности и включают отрицание в свою сферу действия (но не могут входить в сферу действия отрицания), а следовательно – могут обозначать смену полярности в любом направлении, в зависимости от наличия/отсутствия отрицания. Однако между этими тремя элементами наблюдается существенное различие. С одной стороны, как уже было показано в [van der Auwera 1998], испанское *ya* нечувствительно к нашему параметру (5) – *ya* может употребляться в контекстах, когда смена полярности произошла раньше, чем ожидалось, тогда, когда ожидалось, и позже, чем ожидалось. Русский аналог *уже* недопустим в последнем типе контекстов – в них используется наречие *наконец*. Атаяльская частица *la* в этом смысле аналогична испанскому элементу, ср.:

(26) *ski hvian ga nia tehoq la*
до вечер TOP RES.PROX [AF]достичь RPC

‘(Его ждали с самого утра.) Вечером он наконец-то приехал’.

Однако, в отличие от испанского *ya*, атаяльская частица *la* также нечувствительна к параметру (4): она может употребляться в контексте смены полярности с любой временной референцией, в том числе с референцией к настоящему. Такие контексты по сути своей перформативны: смена полярности реализуется при помощи высказывания. В русском языке в таких контекстах может использоваться только элемент фазовой

полярности *больше не*; в испанском – наречие *más* ‘больше’ в сочетании с отрицанием. В атаяльском же в перформативных контекстах используется та же частица *la*:

- (27) *yat=ku pnet quleh (ʔariŋ kira) la*
NEG.N=1SG.ABS [AF]удить рыба началосейчас RPC
‘Я (отныне) больше не ужу рыбу’.

Тем самым, предложенная в нашей работе система критериев для оценки значений элементов категории фазовой полярности опробована на атаяльском материале и дает более точные результаты, чем известные нам другие системы.

В **заключении** подводятся итоги работы и формулируются основные выводы.

В *перфектной зоне* атаяльского языка наблюдается скопление разнообразных форм и конструкций, отчасти находящихся в отношениях конкуренции, отчасти противопоставленных друг другу. Атаяльская перфектная зона включает в себя конструкции нерезультативного прошедшего, собственно перфекта, результатива и инновационную конструкцию экспериентива в пьянанском варианте. Кроме того, одна из частиц, относящихся к маркерам фазовой полярности, может трактоваться как показатель ямитива. Ямитив и перфект в большинстве перфектных контекстов оказываются выражены одновременно (перфект – при помощи вспомогательного глагола, ямитив – при помощи фразовой частицы), однако существуют контексты, где маркируется только перфект или только ямитив. Такая ситуация является аргументом против того, чтобы считать ямитив и перфект манифестациями одного категориального типа.

Конструкции статива в атаяльском языке демонстрируют типологически редкое явление кумулятивного выражения аспекта и (стативного) пространственного дейксиса. При этом некоторые дистрибутивные свойства статива (конструкции, сочетающей значения прогрессива и результатива) оказываются обусловлены именно дейктическими свойствами вспомогательного глагола, а не собственно аспектуальным значением конструкции. Так, исходная дейктическая система глаголов положения в пространстве в атаяльском языке насчитывает три глагола, из которых один является нейтральным и используется в контекстах, затрудненных для дейктической характеристики. Однако в конструкции статива в качестве вспомогательных используются только дейктически окрашенные глаголы, поэтому в дейктически затрудненных контекстах прогрессив использоваться не может и заменяется на форму фактатива. Наличие дейктически затрудненных контекстов в атаяльском языке говорит о том, что система в целом ориентирована не столько на пространство речевого акта, сколько на точку отсчета (которая в режиме диалога совпадает с пространством речевого акта). Наличие такой дейктической системы косвенно подтверждает идею В. Эрих [Ehrich 1982] о том, что

системы пространственного дейксиса, как и временного, строятся на трех ориентирах (пространство речевого акта, пространство точки отсчета и пространство описываемой ситуации). Возможно, следует делить дейктические системы языков мира на те, которые преимущественно ориентированы на пространство речевого акта, и те, которые, как в атаяльском языке, ориентированы на пространство точки отсчета. Мы также предполагаем, что существует связь между системами пространственного и временного дейксиса, поскольку атаяльская временная система также ориентирована скорее на точку отсчета, чем на момент речи (относительное время выражается более регулярно, чем абсолютное).

В модальной системе атаяльского языка, согласно нашим наблюдениям, нет регулярных средств выражения эпистемической модальности как таковой. Вместо субъективной оценки, предполагающей утверждения разной силы, говорящий может выразить только логическую возможность ситуации (вне зависимости от того, насколько вероятной такая возможность представляется говорящему) или ее логическую невозможность (причем для выражения логической невозможности используется особый маркер отрицания). Таким образом, данные атаяльского языка позволяют считать, что в языке возможно полное отсутствие средств выражения эпистемической модальности при наличии средств выражения алетической (логической) возможности и невозможности.

В условных конструкциях атаяльского языка степень гипотетичности суппозиции маркируется в аподозисе при помощи различных модальных конструкций. Аподозис при реализуемой суппозиции маркируется конструкцией, которая в свободном употреблении обозначает намеренное будущее. Контрфактивный аподозис включает в себя особый маркер контрфактива, который в независимом предложении обозначает, что выражаемая предикацией ситуация не осуществилась. Эта конструкция часто употребляется в авертивных контекстах, но может употребляться без семантики назревания и/или вне контекстов референции к прошлому, что невозможно для авертива. Контрфактивная условная конструкция в атаяльском языке, в отличие от, например, английского аналога, не может употребляться в случае, если суппозиция условной конструкции реализуема, но маловероятна. Тем самым атаяльский язык демонстрирует специализированную контрфактивную конструкцию, в существовании которой сомневались некоторые типологи (ср. [Comrie 1986]). Мы предполагаем, что существование таких конструкций высоко вероятно в языках, где есть специализированные средства маркирования свободной контрфактивной конструкции (т.е. контрфактивной конструкции в простом предложении). Наша гипотеза находит подтверждение в некоторых языках (таких, как юкагирский [Maslova 2003: 171-172] и хуа Haiman 1980: 160-161).

Фазовая полярность в атаяльском языке имеет высоко грамматикализованные средства выражения. Выработанный нами подход позволил описать семантику и дистрибуцию каждого элемента фазовой полярности в отдельности. Атаяльская система фазовой полярности при этом максимально проста: все возможные значения фазовой полярности выражаются при помощи двух маркеров, включающих в свою сферу действия предложение целиком, включая показатели модальности и отрицания. Наиболее интересные особенности демонстрирует показатель реальной смены полярности. В типично фазовых контекстах атаяльская система демонстрирует достаточно редкое явление: показатель реальной смены полярности (*la* 'уже') может использоваться в перформативных высказываниях, тогда как в известных нам европейских системах для перформативных высказываний чаще всего используются лексические средства, в остальном к фазовой полярности отношения не имеющие.

По теме диссертации в изданиях, рекомендованных ВАК, **опубликованы** следующие **работы**:

1. Горбунова, И.М. Категория фазовости в языке атаял / И.М.Горбунова // Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2011. – Т VII, ч.3. – С. 283 – 288.
2. Горбунова, И.М. Категория фазовой полярности в атаяльском языке / И.М.Горбунова // Вопросы языкознания. – 2014. – № 3. – С. 34 – 54.
3. Горбунова, И. М. О перфекте и смежных категориях в атаяльском языке / И.М.Горбунова // Исследования по теории грамматики. Вып. 7. Типология перфекта. / Майсак Т. А., Плунгян В. А., Семёнова Кс. П. (ред.) . – СПб.: Наука, 2016. – С. 611 – 636.
4. Горбунова, И.М. Пространственный дейксис и грамматикализация в атаяльском языке / И.М.Горбунова // Вопросы языкознания. – 2016. – № 4. – С. 56 – 85.
5. Горбунова, И.М. Проблема построения типологически ориентированной акциональной классификации предикатов для языка с фактативом (на примере языка атаял, о. Тайвань) / И.М.Горбунова // Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2016. –Т. XII. Ч. 1. – С. 65 – 76.
6. Горбунова, И.М. Атаяльский язык: язык без времени / И.М.Горбунова // Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2016. –Т. XII. Ч. 1. – С.364 – 377.